

БЕССМЕРТНАЯ СТРЕКОЗА, МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ И ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА: НОВИНКИ ВЗРОСЛОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

Книги для взрослых

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН МАНДЕЛ, «МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ» (INSPIRIA)

Роман Эмили Сент-Джон Мандел можно читать сам по себе. Но вместе с романами «Станция одиннадцать» и «Стеклянный отель» они образуют небольшую вселенную со сквозными сюжетами и персонажами. «Море спокойствия» охватывает события с 1912 по 2401 год. Герой начала XX века Эдвин Сент-Джон Сент-Эндрю отправляется от гнева родителей из Англии в Канаду: в колонию, которой еще не носулась цивилизация. Здесь, в Винтории, с ним происходит мистический случай: он переживает недолгий, но очень яркий приступ, похожий на галлюцинацию, который меняет его жизнь.

Второй временной пласт — 2020 год, героиня которого Мирэлла Несслер отправляется на концерт к известному композитору, брату ее умершей подруги. На этом концерте музыкант включает видео своей сестры, которое она сняла в детстве в канадских лесах, — видео странно обрывается, но заканчивается чем-то очень похожим на то, что пережил в Винтории Эдвин.

Третья линия — 2203 год, Носмос уже освоен и отчасти колонизирован. Писательница Оливия Левеллин, живущая на Луне в Колонии-2, отправляется в книжное турне на Землю, где она представляет свой роман «Мариенбад». В романе описан эпизод с той же аномалией. В это время на Земле начинает стремительно распространяться новый смертельный вирус, о нем уже говорят, но пока не понимают его истинных масштабов. Наконец, четвертое время и четвертый герой: 2401 год, Гаспери-Жан Робертс, названный матерью в честь одного из героев романа «Мариенбад». Его детство прошло в Колонии-2, и именно ему предстоит

связать все линии романа воедино, объяснить себе, а заодно и читателям, в чем смысл этой аномалии.

Динамичный, яркий и запоминающийся роман.

«Представьте это в виде... ну, в виде повреждения. Одно мгновение во времени может повредить другое. Нарушился порядок, но вы тут ни при чем. Просто вы это увидели. Вы помогли мне в расследовании и, насколько я понимаю, пребываете в весьма шатком состоянии, и я подумал, может, вам полегчает, если я скажу, что вы обладаете более здравым умом, чем вам кажется. Во всяком случае, в тот миг у вас не было галлюцинаций. Вы пережили момент из другого времени.»

СЬОН, «ЗАРОДЫШ МОЙ ВИДЕЛИ ОЧИ ТВОИ» («ГОРОДЕЦ»)

Роман-парабола от известного исландского прозаика и поэта, автора текстов песен Бьорк, лауреата Исландской литературной премии и Литературной премии Северного совета. Этот текст — первый роман трилогии «НоДекс 1962».

В гостинице-пансионе маленького немецкого городка Нюненштадт во время Второй мировой войны появляется странный человек. Оборванный, тощий, неопределенного возраста, он оказывается беглецом из концлагеря. С ним небольшая коробна с глиной, из которой должен быть вылеплен ребенок. Аллюзии и на создание Голема, и на акт божественного творения, конечно, у Сьона неслучайны: один из главных героев романа вообще Архангел Гавриил, озирающий утопающую в войне землю и рассказывающий о том, что могло бы спасти ее от Страшного суда.

Бывшего узника концлагеря Лева выхаживает сиделка Мари-Софи, из особой глины появляется их общий ребенок Йозеф, который и является главным нарратором романа.

Мастерский микс романа о войне и холокосте, аллюзий на Евангелие, исландскую мифологию и европейскую литературу.

«Несмотря на крохотные размеры, пасторская каморка была самой роскошной комнатой гостиницы. На стене напротив кровати висело хитроумно выполненное фальшивое окно в шикарном раме и с портьерами из плотного дорогого бархата. Армянский напольный ковер, индонезийская курильница для благовоний, китайская резная спальная мебель, фарфор, вручную расписанный японскими гейшами, танцующий Шива из Индии и смеющийся латунный Будда из Таиланда создавали атмосферу начала века – настолько чудесную, что Мари-Софи показалось, будто у нее развилось туннельное зрение, когда она завела бедолагу в такое великолепие. В этом сияющем изобилии ему предстояло провести следующие несколько дней.

Устроив своего подопечного на трехспальной кровати, Мари-Софи надела на него подгузник, укрыла нежно-розовым, цвета дессу, покрывалом и подоткнула ему под голову расшитые шелком подушки. Лежа на этой кроватище, бедолага, который и без того имел вид страдальца, сейчас напомнил ей малюсенький обломок в растерзанном штормом море.

Зрелище было комичное. Она заплакала».

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ, «ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА»
(«КНИГА ПЕРВАЯ: ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ», «КНИГА ВТОРАЯ:
ВРАТА НЕБЕСНЫЕ») («АЗБУКА-АТТИКУС»)

Первые два тома (из восьми запланированных) большого эпического полотна от лауреата Гоннуровской премии и автора знаменитого романа «Оскар и Розовая Дама».

«Путь через века» — это цикл романов о цикличности истории, повторяемости событий и — в то же время — их непостижимости, непредска-

зуюмости. В своих романах Шмитт проведет героя и читателя от эпохи неолита до наших дней: я не оговорила, герой действительно один, сквозной, и его путешествие во времени — нескончаемый поиск возлюбленной, о которой он мечтал на заре эпох, пытаюсь спасти свое племя от Всемирного потопа. Писатель никуда не торопится: как стайер, у которого впереди очень длинная дистанция, он начинает размеренно и, иногда нахется, слишком неспешно, со множеством подробностей и описаний. Но если привыкнуть к этому темпу, грамотно разложить дыхание и распределить силы, путешествие будет незабываемым.

Центральным событием первого тома стал потоп, второго — строительство Нимродовой башни.

«Город терзал меня. Если не считать нескольких приятных сюрпризов, пребывание в Бавеле и Кише приносило мне только огорчения: я постоянно ощущал недостаток информации. Люди знали обо мне больше, чем я о них; в Бавеле архитектор Гунгулум призвал меня к своему ложу в качестве цели-теля, хотя я представлялся торговцем, здесь, в Кише, царица упомянула Нуру! Все вокруг затуманивалось, зато я словно становился прозрачным. Хождение по улицам превращалось в сущее испытание: со всех сторон на меня пялились, я сутулится и пялил глаза, чтобы скрыть свои чувства. Я взвешивал каждое слово, опасаясь, как бы молчание не разоблачило мои мысли. Мало того, что посторонние наблюдали за мной, я сам постоянно контролировал себя. Я раздваивался, становясь одновременно узником и его надзирателем».

МАРГО ГРИТТ, «ВТОРЖЕНИЕ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Дебютный сборник прозы Марго Гритт, финалистки премии «Лицей» прошлого года и лауреата блогерского жюри, содержит повесть «Чертовое колесо» и подборку рассказов. Мало кому из начинающих прозаиков удастся успешно начать писательскую карьеру малой прозой, но не потому, что, вопреки расхожему мнению, издатели не любят рассказы. Просто малую прозу писать трудно. Потому что сборник, целиком состоящий из хороших и как минимум неплохих и оригинальных рассказов, — это большая редкость. Из последних прецедентов вспоминаются Павел Селунов и Нирилл Рябов, задолго до них — Дмитрий Бакин. Марго Гритт пишет отличные рассказы. Яркие, запоминающиеся, очень разные: то абсолютно самобытные, то нарочно стилизованные под манеру ного-то из классиков. В жутковатой «Птицефабрике», например, отчетливо проступает силуэт Дона Делилло. Сборник объединен общей идеей вторжения — искусственного, нежелательного вхождения разного рода чуждых элементов (людей или событий) в человеческие жизни. Гритт часто пишет на сложные темы, но ее тексты лишены нарочитой «чернушности». В истории, рассказанные автором, веришь и каждый раз почти по-детски удивляешься сюжетным сюрпризам ближе к финалу.

«В загсе, когда тетя, будто шагнув в зал прямо из анекдота, объявляет Игоря и Наташу мужем и женой, Марина, как положено, утирает слезу, но не потому, что расстроена. Марина вспоминает, как они с Наташей нашли за гаражами котенка и вместе подхватили лишай».

Нет, чудовищная красная ленточка с золотыми буквами “Дружка” не самое худшее. Самое худшее — чудовищная красная ленточка с золотыми буквами “Дружок”, вернее, ее носитель. Марина старается. Позировать для фотографа на фоне мемориальной стены, танцует под Меладзе, участвует в конкурсе с надуванием шаров на коленях у пьяных мужчин и не делает

ни единого замечания о запахе из дружкова рта. Даже когда этот рот оказывается в нескольких сантиметрах от ее собственного. Марина бывала на свадьбах и могла рассчитать точное время, когда дружок почувствует нужную степень опьянения, чтобы начать приставать к дружке. По традиции двое незнакомых людей обязаны опознать свою судьбу по чудовищным ленточкам, но Марина традиции не следует».

СИЛЬВИЯ ПЛАТ, «АРИЭЛЬ» (INSPIRIA)

Сборник «Ариэль» вышел через два года после смерти поэтессы и стал одним из важнейших поэтических сборников американской поэзии XX века. Сильвия Плат — яркая представительница женской исповедальной поэзии, главными темами которой были женское «я», смерть, природа.

Книга посвящена детям — Фриде и Николасу. Когда Плат не стало, им было три года и год соответственно. Рождению ребенка посвящена открывающая «Ариэль» «Утренняя песнь»:

*Как толстенькие золотые часы,
заводишься ты любовью.
Шлепнула акушерка тебя по пяткам —
и дерзкий твой вопль
Занял место среди прочих стихий.*

В оригинале:

*Love set you going like a fat gold watch.
The midwife slapped your footsoles, and your bald cry
Took its place among the elements.*

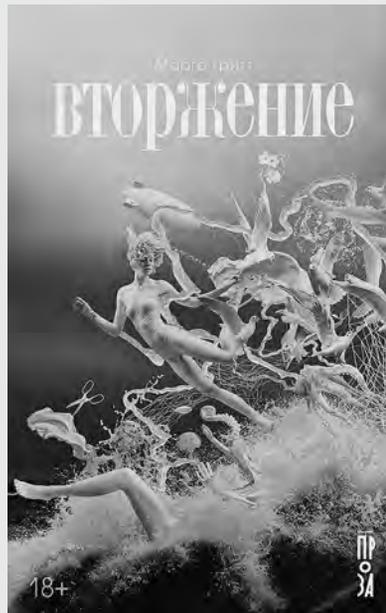
Рождение ребенка для матери здесь уподобляется первооснове мира. Тема смерти ассоциируется у Плат и с Лазарем, и с Фениксом.

*Умирать —
Искусство не хуже прочих. В нем
Я достигла изрядного совершенства.

Dying
Is an art, like everything else.
I do it exceptionally well.*

Поэтесса подробно фиксирует в стихотворных строках свое состояние, описывает страдания, депрессии, царящую в природе жестокость, чтобы в конце концов написать страшное:

*Женщина, доведенная до полного совершенства.
Мертвое тело
Украшает улыбка выполненного долга,
Иллюзия нужности эллинской
Струится в складчатой тоге.
...
Мертвые дети свернулись, как белые змейки,
Каждый — в собственном, личном
Молочнике маленьком, ныне пустом.
Она их втянула
Обратно в тело свое — как роза
Сжимает свои лепестки, когда сад замирает.*

*The woman is perfected.
Her dead*

*Body wears the smile of accomplishment,
The illusion of a Greek necessity*

Flows in the scrolls of her toga,

...

*Each dead child coiled, a white serpent,
One at each little*

*Pitcher of milk, now empty.
She has folded*

*Them back into her body as petals
Of a rose close when the garden*

*Stiffens and odors bleed
From the sweet, deep throats of the night flower.*

Тот случай, когда сборник-билингва был бы более чем уместен, но даже только русскоязычное издание без знаменитого предисловия Роберта Лоуэлла (увы) — важное издательское решение.

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ, «БЕССМЕРТНАЯ СТРЕКОЗА»
(«РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Пока Муравей в поте лица все лето трудится и готовится к зиме, забывая радоваться и удивляться красоте мира, стрекоза впитывает его всеми рецепторами и танцует от переполняющего ее счастья. Потом на смену

лету приходит зима, на смену тучным годам, как в «Иосифе» у Манна в переводе Апта, тощие годы, но стрекозы — прозрачнокрылые красавицы и красавцы — необходимая часть прекрасного мироздания. Дмитрий Воденников — блестящий эссеист. В этом мы могли уже неоднократно убедиться, «Бессмертная стрекоза» — далеко не первая книга его прозы. Воденников — явление особого порядка: он и поэт, и прозаик, и мыслитель одновременно, он умеет наблюдать, и останавливать мгновение взглядом, и находить неожиданные аналогии и параллели, так что любой муравей невольно заслушается и остановится. И в этом, пожалуй, главная стрекозиная суперспособность. Нафта и Мандельштам, Ахматова и Цветаева, Барто и Ксения Петербургская, такса Чуня и новогодняя елка, Чарли Чаплин и Татьяна Толстая — всему и всем есть место в огромном поэтическом мире, который осматривает Дмитрий Воденников с высоты стрекозиного полета.

«...Ангел разноцветного льда, бог коктейля, ну сделай так, чтобы мне скорей привезли и установили этот новый счетный прибор, однофазный, однотарифный, в пузо моего окаменевшего Буратино.

Но самое главное, сделай так, чтоб не исчезал смысл, не отключили свет, чтоб не прекращался звук, чтобы замороженный Дьявол из самого ледяного пекла последнего круга не выбирался: сидел бы там с «Лакомкой» и прошлогодними пельменями «Нежными», не высовывался».

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР, «ОБМАНЩИК» («ГОРОДЕЦ»)

Последний роман нобелевского лауреата, опубликованный уже после смерти автора. Роман о корнях и эмиграции, о том, что держит и от чего бегут. Главный герой Герц Минскер оказывается в Нью-Йорке в период Второй мировой войны, где живут евреи, бежавшие из Польши. У них всё, насколько возможно, благополучно, они в безопасности, имеют возмож-

ность работать и жить, не вспоминая об ужасах нацизма. Но новости с родины не дают им спать спокойно. Шестидесятилетний Герц пытается взять от жизни все — он предается всем радостям плотской любви с многочисленными женщинами и живет за их счет, а также за счет друга юности Морриса Налишера. «Обманщин» — роман о человеческой природе, о герое, который думает, что обманывает окружающих, но на самом деле заблуждается сам.

«Неужели все – галлюцинация? – спросил себя Герц. Он стоял как громом пораженный. – Почему он вымещает злость на мне? Чем я виноват, что она вернулась к Крымскому? Что ж, все-таки прав он, прав. Мы старики. Зря я выставляю себя дураком... Может, она передумала в последнюю минуту? – подумал Герц, имея в виду Мирьям Ковальду. – Обиделась, что я пошел звонить? Ну да, нынче все идет кувырком. Вдруг это мой последний вечер на земле, – сказал он себе».

ДЖОНАТАН УЭЛЛС, «СЛАБАН» («РИПОЛ КЛАССИК»)

Роман о болезненном столкновении подростка с ожиданиями родителей и общества, о токсичной маскулинности, которую культивировал американский социум в семидесятых годах прошлого века. В свои тринадцать Джон выглядит гораздо младше: он чуть ниже большинства сверстников и недостаточно физически развит. Родители на грани развода, и несоответствие сына ожиданиям отца подливает масла в огонь: отец разрабатывает план тренировок, покупает ему протеиновые смеси и разными способами пытается пробудить его мужественность. Мнение отца и нападки учителей формируют у мальчика страшную неуверенность в себе: он кажется себе ненормальным, неправильным, недостойным существования в принципе. Когда он попадает в школу-интернат, прежде чем найти свое место в жизни, ему приходится убедить себя самого, что место для него в принципе может быть. «Слабан» — автофиншен о преодолении предрассудков, которые касаются тебя лично, о поиске утешения и надежды, об источнике внутренних сил идти вперед и искать себя, даже если ты не соответствуешь чьим-то представлениям о норме.

«Это было таким же вторжением в мое тело, как и сделанное Макэнери. По сравнению с этим папа и Ингерид казались очень даже цивилизованными людьми. Я гадал, почему так много людей стремятся изменить меня. Даже пытливые вопросы Эрика о моих похождениях с Ингерид нарушали мои границы. Казалось, от меня самого теперь ничего не осталось. Даже способность сопротивляться, которую в последнее время начал осознавать все сильнее и сильнее, теперь вдруг оставила меня. Все почему-то лучше меня знали, как должно выглядеть мое тело. И я уже не чувствовал, что мое тело действительно мне принадлежало».

НИРИЛЛ РЯБОВ, «ЛИХО» («ГОРОДЕЦ»)

Сборник малой прозы Нириллы Рябова «Лихо» — две повести и рассказ — это тот самый Рябов, которого любят его поклонники: провокативный, дерзкий, временами очень трогательный и беззащитный, временами — острый и жесткий. Тот, кто знает, чего ждать от писателя, не будет обманут в ожиданиях, тот, кто не читал его предыдущих книг, получает представление о манере и авторском методе. Нирилл Рябов — один из лучших, на мой взгляд, современных новеллистов: малая проза удается

ему особенно, он умеет стремительно закрутить сюжет (чего стоит начало повести «Лихо», когда к герою вламываются трое людей с насилием и без всяких объяснений арестовывают его кота), сжать его пружину практически до предела — и резко отпустить к финалу. Рябов не любит красивостей, он мастер простого повествования, бытовой речи, обыденных описаний. И очень живых диалогов, кратких и хлестких: в каждом из них есть конфликт, есть драма — это диалоги действия, а не стагнации.

— Мама, — сказал Выдрин. — Это я.

— Шурочка, как ты во время. В начале ноября мы с Владимиром Романовичем летим на две недели в Грецию. Ты сможешь приходить к нам и поливать его диффенбахию?

— Но это же еще не скоро, — сказал Выдрин.

— Хотелось бы знать заранее.

— Да, смогу.

— Спасибо, мой хороший! Владимир Романович шлет тебе привет.

— Молча?

— Что — молча?

— Я не слышал сейчас, чтобы он мне привет передавал.

— Ах, ты такой шутник!

— Да, я такой. И у меня кот арестовали».

ВИОЛЕН БЕРО, «КАК ЗВЕРИ» (POLYANDRIA NO AGE)

История о границах нормы и правилах общественного поведения. В крошечной горной деревушке в отдаленном гроте живут мать с особенным сыном. Он очень большой для ребенка, не умеет разговаривать и боится людей. Однажды мать приводит его в школу, но из этого ничего не получается: мать видит, что ее сын не похож на других детей

и не сможет учиться. Учительница советует специальное учебное заведение, но мать с сыном выбирают быть изгоями. Ребенка зовут Медведь, он умеет только рычать и, как выясняется со временем, исцелять животных. Проходит двадцать лет, и турист видит неподалеку от грота необычную маленькую девочку. Может ли она быть дочерью того самого мальчишка? Или она похищена? Толпа не привыкла выяснять, она умеет только обличать и наказывать. «Нак звери» — роман-притча о «другом» как философской категории, обо всех тех, кто не как мы и — шире — не мы. Другие опасны. Они нас тревожат и вызывают беспокойство. Лучше, чтобы других не было, думает толпа и оказывается готовой вершить самосуд. Мальчик ведет себя как зверь, но кто в этом тексте настоящие звери, автор сомнений не оставляет.

«Ничего не знаю о матери малышки. Она точно не местная, потому что, насколько мне известно, в наших краях никто ребенка не терял. Я считаю, что кто-то доверил ребенка Медведю. Как я своего бычка. И пока он о ней заботился, с девочкой ничего не могло приключиться. Вот это вам и нужно понять: этот добрый малый и мухи не обидит. Просто работа такая. Жду не дожусь, когда вы его отпустите, потому что у меня тут одна корова очень серьезно поранилась, до самого уха. Хотелось бы, чтобы Медведь ее осмотрел, и затягивать нельзя, иначе она глаза лишится. Совсем не повезло бедняжке: такая беда случилась, когда Медведь не может ее излечить».

ДЖОДИ ПИКОЛТ, «ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ» («АЗБУНА»)

Что происходит с семьей, когда в ней появляется особенный ребенок? Ребенок, который требует к себе самого пристального и постоянного внимания? Как меняется жизнь каждого из членов этой семьи? Эту тему поднимает Джоди Пиколт в своем новом романе. В семье, где уже есть старшая дочь, рождается вторая девочка Уиллоу. Девочка с редким диагнозом: ее кости очень хрупкие, они могут сломаться не только при падении или ударе, но от любого движения. Несколько костей сломаны еще в утробе, до рождения. Денег в семье мало, что вызывает конфликты между родителями, и тогда мать находит способ решить проблему: нужно подать в суд на врача, которая не предупредила о диагнозе ребенка, не дала родителям выбор, оставить девочку или прервать беременность. Множество моральных дилемм возникают словно сами собой, каждый герой встает перед нравственным выбором. Врач — лучшая подруга матери. Можно ли предать подругу ради денег? Могла ли она узнать диагноз до рождения девочки? Уиллоу чувствует, что она причина раздора, что ее ненормальность мешает семье жить обычной жизнью. А до ее старшей сестры — обычного ребенка без диагнозов — и вовсе, найдет, никому нет дела. Тяжелый, но нужный роман о взрослой жизни, принятии сложных решений и личной ответственности за слова и поступки.

«Когда родители ссорились, как вчера, мы с тобой сидели в нашей спальне и слышали их грозные голоса. Слова проникали под дверь, хотя та была закрыта: “неправомерное рождение... показания... присяга”. В какой-то момент я услышала упоминание телевидения: “Разве ты не понимаешь, что журналисты раздуют из этого скандал? Ты этого хочешь?” — сказал папа, и на мгновение я представила, что мы наглядный пример семьи с ребенком-инвалидом. Не так я себе представляла пятнадцать минут славы».

ЭЛИЗАБЕТ ФОН АРНИМ, «ВЕРА» («ЛАЙВБУН»)

Роман знаменитой британской писательницы австралийского происхождения Элизабет фон Арним был написан еще в 1921 году, но на русский язык переведен впервые. Роман отчасти автобиографический: в его основе второй брак писательницы — с графом Расселом. Это роман о страсти, притворявшейся любовью, но так и не сумевшей ею стать. И эгоизм настоящего, и призрак прошлого мешают героям (прежде всего, конечно, героине) стать счастливыми, и мы страница за страницей наблюдаем крушение надежд. Подзаголовок «Будденбронов» Томаса Манна — «Роман о гибели одного семейства» — здесь тоже был бы весьма уместен. Книга о наивной женщине, попавшей под власть самовлюбленного мужа, — сюжет не новый, но вечный.

«Вскоре она поняла, что сомнения лучше держать при себе. Потому что стоило их высказать, как он тут же впадал в глубокую обиду, а стоило ему обидеться, как она чувствовала себя глубоко несчастной. И если такое происходило по мелочам, то разве можно было говорить с ним о важном, особенно о сомнениях относительно “Ив”? Она долгое время считала, что он помнит о том, что она говорила на Рождество, и, приехав в “Изы”, увидит, что он все там переменял и постарался стереть следы Вериного существования. Но когда он принялся постоянно толковать об “Ивах”, она поняла, что мысль об изменениях ему и в голову не приходила».

Книги для детей

ХАННА ГОЛД, «ПРОПАВШИЙ НИТ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Прекрасная история на стыке художественной литературы и детского научпопа, в которой познавательность не перегружает сюжет и не уведит в сторону. Одиннадцатилетний Рио прилетает из Лондона в Калифорнию,

где в Оушен-Бэй живет его бабушка, чтобы пожить у нее, пока мама лежит в больнице. Рио впервые сталкивается со стихией такой мощи, с огромным открытым океаном, на берегу которого стоит бабушкин дом. Мальчик волнуется за маму, с бабушкой отношения далеки от идеала, он одновременно нуждается в отдушине и не готов к ней. И все же находит ее — это серые ниты, которыми мама была одержима в детстве. Оушен-Бэй — одна из точек маршрута миграции серых нитов, Рио знакомится с капитаном натера «Дозорный прыжок» и его дочерью, которые знают о китах, нажется, все. Они многое расскажут мальчине — и читателям книги, а еще им предстоит отправиться в долгое, тревожное и опасное путешествие ради спасения одной нитихи.

«До кита было меньше пятидесяти метров. Великолепнейший водяной столб вырвался из океана, словно водопад наоборот.

Дыхание кита.

С берега не было слышно, как дышит кит. Но здесь, с неработающим мотором, громкий протяжный шелестящий свист отражался от воды, и от него по спине бежали мурашки.

Но самым удивительным в дыхании кита был даже не этот свист.

А форма фонтана.

Китовый выдох не просто бил в небо вертикальной струей воды — он был в форме сердечка».

СОФИ ДЬЕЭД, «Я НЕ ЛЮБЛЮ ДЖОЗЕФИНУ» («НОМПАСГИД»)

Уго — самый обыкновенный мальчишка в том возрасте, когда дружба между мальчишками и девочками наиболее трудна: под конец начальной школы и перед средней. Слишком уж разные у них интересы. Девочек

Уго не любит акцентированно, потому что ему не повезло — дома у него очень вредная старшая сестра: где уж тут сохранять дружелюбие. На эту тему он даже написал по заданию учительницы сочинение, где привел очень веские аргументы, почему он не любит девчонок. Но однажды в класс приходит новенькая — Джозефина. Сердце мальчишки разбито, он не сразу понимает, что с ним происходит, а потом пугается своих чувств, боится ошибиться и от этого запутывает все еще сильнее. Два взгляда — Уго и Джозефины — создают динамику, комический эффект и вызывают бесконечное умиление узнавания. Хорошая и веселая книжка, если кратко, и иллюстрации интересные.

«После еды тарелка Джо не выглядит так, будто в ней прошло сражение. Все чисто и пустынно. Жвачку не жует и конфет не ест. Всегда носит с собой маленькую бутылочку воды. На вопросы отвечает, но сама разговор никогда не начинает. Нельзя сказать, что она постоянно улыбается, но и сердитым ее лицо никогда не бывает. А еще мне очень нравится, как она заправляет прядь волос за ухо».

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ, «ПОЖИРАТЕЛЬ ИЩЕТ БЕЛУЮ СОВУ» («НОМПАСГИД»)

Книги Евгения Рудашевского всегда полны богатейшим этнографическим материалом, и этот роман не исключение. Он о том, как мифологическое сознание существует в нашем мире, как оно определяет быт племен и народов. «Пожиратель ищет Белую сову» — роман о жизни в стойбище в тундре. Главной героине — Анипе, или Белой сове, — еще совсем немного лет, но по меркам ее народа она уже большая, поэтому у нее есть муж, который ненамного младше ее мамы. Жизнь в стойбище подчинена природным законам: летом нужно делать запасы на зиму, а зимой петь

песни и слушать истории. Но за Черной горой поселились пожиратели — так эскимосы зовут чужанов, носителей нового знания и новых навыков. Они берут от природы гораздо больше, чем нужно для того, чтобы прокормиться зимой. Они высасывают душу из северного народа. Они истребили животных и выловили рыбу — и потому запасы в этом году такие скудные, что их не хватит, чтобы выжить зимой. Взрослые хранят какие-то тайны, о которых не рассказывают среди прочих историй, а ведь эти тайны, возможно, помогли бы им выжить. Мистика, мифология, история, география и этнология — все соединилось в небольшом и очень увлекательном романе.

«Как и два года назад, страх перед зимним голодом всюду сопровождал аглюхтугмит, однако не отвлекал их от привычных дел. Папа возился с каменными пластинами пола. Илютак перетаскивал разобранные большие сани — нарту — и мирился с мешавшимся под ногами Матыхлюком. От нижней жилой землянки доносился смех Укуны. Собаки скучали — зарылись в ямки и сонно наблюдали за хлопотливыми Акивой и Тулхи. Светло-коричневые и рыжеватые, с особенно длинной шерстью на хвосте и шее, собаки сливались с рыхлой землей, но выдавали себя подвижными стоячими ушками».

МАЙЯ Г. ЛЕОНАРД, СЭМ СЭДЖМАН, «ТАЙНА ПЕРЕВАЛА МЕРТВЕЦА» («МАХАОН»)

Четвертая книга серии детских детективов про Харрисона Бена, мальчика-художника и детектива, который раскрыл уже несколько преступлений во время железнодорожных путешествий: за его плечами «Ограбление в “Шотландском соколе”», «Похищение в “Калифорнийской комете”» и «Убийство в “Звезде сафари”». Теперь — новое дело и новый вызов. Путь юного детектива и его дяди лежит в старинный замок Кратценштайнов, над родом которых, нажется, тяготеет странное и страшное проклятие. Но проклятие ли? Или всему есть разумное объяснение?

«Что касается похорон, то они перенесены на следующий понедельник, и я очень надеюсь, что вы вместе с Харрисоном успеете к нам приехать. Сделайте это инкогнито, под видом наших дальних родственников. Нам очень важно выяснить, кто за всем этим стоит. В письмо я вкладываю два билета на скоростной поезд “Евростар”, который отправляется с лондонского вокзала Сент-Панкрас, и уже завтра буду ждать вас в Париже на Лионском вокзале в ресторане “Синий экспресс”».

ТИМОТИ ЛЕ ВЕЭЛЬ, «ЗАЯЦ И КРОЛИКИ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Детская сказка с потрясающими графическими иллюстрациями автора рассказывает о семье и взаимовыручке. Стайна кроликов воспитала зайчонка, когда его маму съел волк. С тех пор заяц живет с кроликами и очень любит своих братьев и сестер. И все же он чувствует себя другим: более смелым, нуждающимся в одиночестве и риске, в погонях и приключениях. Автор в сказочной манере транслирует очень важные мысли: семья — это не только кровное родство, приемные дети могут быть настолько же родными для всех. Мы разные, нам нравятся разные вещи и разный образ жизни, но семья всегда поддержит, поможет и спасет. Все ошибаются, это естественно, нужно уметь прощать ошибки родных и близких. «Заяц и кролики» — книга для детей, необходимая многим взрослым. Как напоминание.